

Лян Хун не знал, о чём думал Шэнь Хэцю; если бы знал, наверное, подпрыгнул бы от злости. Он лишь усмехнулся:

— Видел присланное сообщение? Как только завтра переедешь в семью И, компания заберёт эту квартиру, где ты сейчас живёшь.

— При переезде заberi всё чисто, и ключ, что у тебя, не забудь вернуть мне.

Шэнь Хэцю слегка приоткрыл рот:

— Здесь... нельзя больше жить?

— Нельзя, — холодно сказал Лян Хун.

Лян Хун смотрел на Шэнь Хэцю свысока, во взгляде — фальшивая жалость:

— В конце концов, сейчас ты не можешь принести компании никакой ценности. То, что компания не расторгла с тобой контракт сразу, — уже милость.

— В любом случае, тот господин И уже содержит тебя, так что на улице ты точно не окажешься. Если хорошо ему угодишь, чего ты только не получишь, разве одной квартиры не хватит?

Шэнь Хэцю сжал в руке салфетку, на лице — испуг:

— Что значит «содержит»?

Разве он не должен петь для господина И?

Лян Хун, казалось, рассмешили слова Шэнь Хэцю:

— А ты что думал? Господин И тратит столько денег и даже селит тебя в дом семьи И — чтобы ты пел ему колыбельные?

— Шэнь Хэцю, ты в этой сфере уже два года, неужели не знаешь, что это называется содержанием?

Сказав, что хотел, Лян Хун решительно ушёл.

Содержание... что это?

В янтарных глазах Шэнь Хэцю читались пустота и растерянность, лицо побелело.

Желудок болел так, что тошнило, он медленно согнулся, обхватив себя руками.

Что значит...? Его содержат?

Шэнь Хэцю изо всех сил пытался вспомнить обстоятельства подписания соглашения, вспомнить те пункты, что были написаны в документе, который держал ассистент Чэн.

Вспоминал по крупицам, словно вскрывая рану.

Господин И поселил его в доме семьи И, господин И, зная, что он не может петь, всё равно пригласил его петь...

Оказывается, это содержание.

Раньше он лишь краем уха слышал от других поверхностные разговоры об этом, никогда не думал, что столкнётся сам.

И более того, сам собственноручно подписал соглашение.

В комнате снова воцарилась тишина, но Шэнь Хэцю почувствовал, будто в ушах гудит, как от старого телевизора, кислород словно внезапно исчез, в груди стало тяжело, дыхание участилось, казалось, вот-вот задохнёшься.

Он открыл рот, пытаясь издать звук, но горло будто чем-то заложило, и в тишине комнаты звучало лишь прерывистое, похожее на скрип разорванных мехов, дыхание.

Шэнь Хэцю с трудом дышал, достал из-под журнального столика пузырёк с таблетками. Дрожащими руками налил воды, запрокинул голову и проглотил таблетку.

Слишком сильные негативные эмоции под действием лекарства постепенно отступали. Он снова открыл рот:

— А-а.

Звук появился.

Шэнь Хэцю медленно выпрямился, в ладони сжимая серебряный браслет, не отпуская, даже когда он врезался в кожу и вызывал боль.

Лекарства могут притупить его эмоциональное восприятие. Шэнь Хэцю думал почти спокойно: Чжао Цянь тоже велел ему быть хорошим, не злить того господина И, значит, ему следует добросовестно выполнять подписанное соглашение.

По крайней мере, содержал его не кто-то другой, а господин И, кажущийся таким мягким.

В этом нет ничего страшного.

Он всегда считал, что нет ничего хуже, чем потерять способность петь и сочинять музыку.

Просто было немного грустно и жаль, что он, возможно, больше никогда не сможет стоять на сцене так же чисто и расслабленно, как раньше.

Шэнь Хэцю сжал губы, на лице появилась унылая улыбка. Он провёл рукой по лбу — ладонь была влажной от холодного пота.

Внезапно зазвонил мобильный телефон, сопровождаемый вибрацией, звук резанул уши Шэнь Хэцю.

Он взял телефон, чтобы ответить, но в руках ещё не было сил, телефон выскользнул от вибрации, упал на диван, отскочил на кафельный пол с громким шлепком.

Шэнь Хэцю в панике поднял телефон с пола. Защитное стекло треснуло с краю, в остальном всё было в порядке.

На экране входящего вызова значилось Тётя Фань.

Шэнь Хэцю уставился на экран, несколько раз глубоко вдохнул и, дрожащей рукой, ответил на звонок.

— Алло? — осторожно произнёс Шэнь Хэцю.

— Сяо Цю, — из телефона донёлся мягкий, спокойный женский голос.

Шэнь Хэцю пошевелил губами, уставился на носки и невнятно пробормотал:

— Тётя Фань.

Фань Жунъянь, не меняя тона, сказала:

— Сяо Цю, почему только что не взял трубку? Тётя очень волновалась за тебя.

Она говорила ровно, как будто из вежливости.

— М-м... только что был занят... — пробормотал Шэнь Хэцю, голос был настолько тихим, что почти не слышно.

Фань Жунъянь не обратила внимания на слова Шэнь Хэцю, вернее, даже не собиралась их слушать. Она просто продолжила сама:

— Послезавтра вернись, пообедаем вместе. У папы есть кое-что сказать тебе, тётя тоже по тебе соскучилась.

Таким образом она решила всё за него и быстро положила трубку.

В ту же секунду, как в трубке раздались гудки, Шэнь Хэцю смог наконец перевести дух и начал жадно дышать. Он крепко сжал серебряный браслет на запястье, снова и снова глядя выгравированные на серебряном листочке иероглифы, и постепенно успокоился.

Ему не нравилось разговаривать с Фань Жунъянь.

Шэнь Хэцю потрогал спину — одежда тоже промокла от холодного пота, было зябко.

Нужно было принять душ.

Хотя Фань Жунъянь позвонила и сказала приехать домой на обед, Шэнь Хэцю знал, что домашняя еда никогда его не ждала.

Когда Шэнь Хэцю приехал, еда уже давно была готова, его отец, мачеха и приёмный брат, которого она привела, уже сидели вместе, радостные и довольные.

Когда Шэнь Хэцю вошёл в столовую, он как раз услышал строгий, но с едва уловимым одобрением голос отца Шэня:

— Сяо Хань, сколько баллов набрал на этом экзамене? Снова в десятке лучших в классе? В выпускном классе нужно сохранять стабильное настроение, избавиться от гордыни и нетерпения, тогда результаты останутся отличными.

Фань Жунъянь первой заметила, как вошёл Шэнь Хэцю. Она замерла на пару секунд, затем улыбнулась и позвала его:

— Сяо Цю вернулся? Садись скорее есть.

— Посмотри на себя, ребёнок, говорили же приезжать пораньше, почему каждый раз опаздываешь?

Фань Жунъянь имела хрупкую, изящную внешность, казалась безобидной, и тон её голоса звучал мягко.

Но лицо отца Шэня, на котором только что играла улыбка, мгновенно помрачнело. Он лишь кивнул Шэнь Хэцю и холодно сказал:

— Вернулся.

Шэнь Хэцю опустил глаза, его голос был тих, словно его мог унести лёгкий ветерок:

— Угу.

Он тихо стоял там, скованно и отчуждённо, будто вернулся не в свой дом, а в совершенно незнакомое место.

Отец Шэнь, похоже, уже привык к молчаливому и неразговорчивому характеру Шэнь Хэцю. В детстве ещё можно было с ним поговорить, но чем старше становился, тем более замкнутым — прямо как его мать, тоже чудачка.

Те пять лет, что его воспитывала мать, определённо его испортили.

Фань Жунъянь, видя, что отец Шэнь молчит, поспешно подхватила:

— Сяо Цю, садись, дома не надо стесняться.

Она отодвинула стул рядом с Шэнь Ханем, приглашая Шэнь Хэцю сесть.

Стул стоял с краю, справа был Шэнь Хань, слева — никого, расстояние между ними было довольно большим.

Шэнь Хэцю немного помедлил, но всё же покорно сел рядом с Шэнь Ханем.

Едва Шэнь Хэцю сел, Шэнь Хань с хитрой ухмылкой намеренно придвинулся ближе, насмешливо наблюдая, как Шэнь Хэцю от его приближения напряжённо широко раскрыл глаза. Когда Шэнь Хэцю отшатнулся так, что чуть не упал со стула, он неспешно произнёс:

— Братец, как поживаешь в последнее время? Мои одноклассники спрашивают, почему у тебя уже несколько месяцев нет активности. Неужели... — он указал на голову, — здесь опять проблемы?

Едва Шэнь Хань закончил говорить, Фань Жунъянь строго отчитала его:

— Сяо Хань, как ты разговариваешь со старшим братом!

Шэнь Хань равнодушно пожал плечами, взял кусочек мяса, положил в рот и стал жевать, показывая, что замолчал.

Фань Жунъянь улыбнулась Шэнь Хэцю:

— Сяо Цю, не обращай внимания. Сяо Хань просто ещё ребёнок, невоспитанный, вечно болтает что попало.

Она говорила, глядя на Шэнь Хэцю, но не дождалась ответа.

Шэнь Хэцю был так напуган приближением Шэнь Ханя, что голова пошла кругом. Он только и мог, что бояться, опустив голову и уставившись на рис в миске, даже не заметив, что Фань Жунъянь с ним разговаривает.

Шэнь Хэцю всегда принимал лекарства в обед и вечером. После того как таблетки начинали действовать, его внимание в течение всего оставшегося дня было рассеянным, и если он сосредотачивался на чём-то одном, другие звуки почти не слышал.

— Сяо Цю? Ты в порядке? — снова позвала Фань Жунъянь.

На этот раз она говорила гораздо громче, и Шэнь Хэцю услышал.

<http://bllate.org/book/15590/1389480>